

шился и 74-летнего своего отца. Теперь из тех, кто в нашей семье носит папаху, я — самый старший.

Когда я был совсем маленьким, отец брал меня к себе в косматую шубу и читал мне свои стихи. Вот почему я знал наизусть его стихи еще до того, как мог ездить на коне и надевать пояс. Взрослые соседи, школьные учителя заставляли меня читать отцовские стихи еще до того, как они появились в печати, и я читал их страстно.

Потом я, средний сын поэта,

затова, а как сына Гамзата Цадаса. Отец был моим первым наставником в поэтическом искусстве. Он сказал о моих первых стихах: «Если взять щипцы и порываться в этой золе, то можно найти уголек хотя бы для того, чтобы прикурить папиросу».

Да, в ранних моих стихах было слов много, а мыслей мало. Я и сам стал замечать, что на одну горсточку муки я лил целый кувшин воды и из такого теста пытался испечь булку. Где они, эти ранние мои стихи?.. Эти мелкие ручейки

говоря, в институт поступать мне не хотелось, я просто мечтал повидать Москву, а потом вернуться домой. Но директор института Федор Васильевич Гладков, хотя и видел, что я плохо владею русским языком, а написанный мною диктант стал таким пестрым от карандашных помарок, что казалось, будто на нем дрались воробьи, все же записал мою фамилию среди принятых. Я всегда благодарил его за это в душе. Теперь я благодарю большего русского писателя в печати.

Москва и Литературный институт научили меня держать в руке перо, научили меня сидеть, склонившись над белой бумагой, научили меня думать, научили меня любить и ценить святое чувство недовольства собою и своим словом.

Москва, Литературный институт открыли мне доселе неведомые тайны поэзии. Там я понял, что долгое время принимал за золото стертые пятки. Я по очереди влюблялся в разных поэтов: то в Блока, то в Маяковского, то в Есенина, то в Пастернака, то в Цветаеву, то в Багрицкого, в аварца Махмуда и немца Гейне. Но любовь к Пушкину, Лермонтову, Некрасову осталась навсегда неизменной.

Русскую литературу я узнал еще в детстве, ее прелесть я ощущал еще до того, как стал брить пушок над губой. Отец заставлял меня, когда я был школьником, читать аульчанам толстовского «Хаджи-Мурата», тут же переводя его на аварский язык. Старинки тогда говорили, что человек не в силах создать такую правдивую книгу, что, наверно, ее создал сам господь. А я учил наизусть басни Крылова, «Хамелеона» Чехова, «Дерево» Пушкина в дивном переводе Гамзата Цадаса. Я и сам переводил — своего любимого Лермонтова, «Полтаву» Пушкина. Из-за Есенина мне пришлось с одним аварским поэтом вступить в кулачный спор.

С большой любовью храню я письмо Александра Фадеева, в котором он тепло и взыскательно говорит о моих стихах. Неоценимыми уроками для меня были и останутся встречи с русскими поэтами, дружба с ними, споры с ними.

В 1947 году вышла первая моя книга на русском языке.

Я побывал в разных местах. На родине и за ее пределами у меня много друзей, которыми я горжусь. Если судьба мне даст столько лет жизни, сколько у меня есть друзей, то даже в Дагестане, который славится долголетием жителей, не будет со временем старика старше меня.

Если к прекрасной аварской поэзии я прибавил хотя бы три камушка, если в моих стихах есть столько огня, что его хватит для того, чтобы прикурить хотя бы три папиросы, то всем этим я обязан Москве, русской литературе, моим друзьям и учителям. За все жемчужины нашей общей советской поэзии, за все огни, которые осветили путь моего свободного народа, за судьбу моего отца я благодарю и славлю Коммунистическую партию, членом которой я состою с 1944 года: это самое мое большое счастье...

Расул ГАМЗАТОВ

САМОЕ БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ

Слагать стихи пристрастился сам.

Первое стихотворение я написал, когда мне было одиннадцать лет. Я лежал на балконе сакли на шкуре быка и сочинял стихи о том, как соседские мальчишки, отдыхающие в постели после одного мусульманского обряда, внезапно вскочили и побежали к поляне, на которой впервые в истории Цада в 1934 году сделал посадку самолет. Потом я стал писать о своей школе, о товарищах, об учителях. А моя школа стояла того, чтобы о ней писали: она помещалась в крепости Хунзах, в километре ходьбы от нашего селения, в той самой крепости, которая за долгие столетия узнала силу многих пуль и снарядов.

В 1940 году, окончив педагогическое училище в городе Буйнакске, я вернулся в эту школу, но уже учителем. Теперь она стала средней школой и носит имя моего отца.

Да я учился в седьмом классе, в газете «Большевик гор» было опубликовано мое стихотворение, о котором тут же, в немногих строках, отозвался с похвалой аварский писатель Раджаб Динмагомаев. С этих пор мои стихи стали появляться и в хунзахской районной газете, и в газете города Буйнакска, и в республиканском «Большевик гор». Я подписывал эти стихи псевдонимом отца — Цадаса. Однажды горец, который не знал, что я грешу стихами, сказал мне: «Послушай-ка, брат, что случилось с твоим уважаемым отцом? Раньше, прочитав его стихи один только раз, я запомнил их сразу наизусть, а теперь даже понять их не могу!» Тогда я решил сделать имя отца своей фамилией и стал подписываться так: Расул Гамзатов.

Я уже напечатал много стихов, но люди знали меня не как поэта Расула Гам-

высохли, не достигнув реки. Долго еще я был сам подобен мелкому ручейку, долго шел, робко цепляясь за камни, пока не вышел к реке. Все же надо признаться в том, что тогда я был довольно высокого мнения о своих стихах. Мне дороже всех моих книг самая незрелая, но зато самая первая. Она называлась так: «Любовь вдохновенная и гнев огненный». Могу ли я забыть свою радость, когда, прочитав эту книгу, девушки-горянки прислали мне письмо? Могу ли я забыть свою первую обиду, когда увидел, как чабан на зимнем пастбище использовал ее страницы для раскурки? Могу ли я забыть, как, придя домой, я притворялся, будто совсем по другой причине распинаю словесно перед отцом этого чабана и весь род его? Было это в 1943 году, когда я уже брился, курил и почти ежедневно влюблялся.

К этому времени я успел уже поработать в разных местах: помощником режиссера в аварском передвижном театре — мы ездили из аула в аул, сотрудником газеты «Большевик гор», работал я и на радио.

Но вот я написал поэму, посвященную дагестанцу — Герою Советского Союза Сааду Алиеву. Ведняжна поэма попала в руки аварскому поэту Гаджи Залову, и он довольно крепко ее избил. Я тоже не дремал и разнес в пух и прах его книжку «Вой часов». Время показало, что мы оба были правы.

Держа под мышкой несколько собственных книг, поэму «Дети Краснодар» переведенную на русский язык Ильей Сельвинским, имея в кармане членский билет Союза советских писателей и скучное количество денег, я приехал в Москву, чтобы поступить в Литературный институт имени М. Горького. Собственно